

Основные подходы в исследовании связи языка и экономической культуры

The main approaches in the study of the relationship between language and economic culture

Никитин А.П.

канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых и уголовно-правовых дисциплин Института истории и права Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан
e-mail: nikitinanton5891@gmail.com

Nikitin A.P.

PhD, associate professor, associate professor of the department of civil law and criminal law disciplines of the Institute of history and law of the Katanov Khakass State University, Abakan
e-mail: nikitinanton5891@gmail.com

Аннотация

Рассмотрены основные актуальные подходы в исследовании связи языка и экономической культуры. Выделен семиотический подход, в рамках которого экономическая культура и язык анализируются как соподчиненные знаковые системы. Раскрыто содержание институционального подхода, в рамках которого связь языка и экономической культуры выглядит двоякой. С одной стороны, язык выступает базовым условием для существования экономических институтов. С другой стороны, экономические институты и традиции непосредственно влияют на языковые практики.

Ключевые слова: язык, экономическая культура, семиотика, структурализм, институциональный факт, лингвистическая репрезентация.

Abstract

The main current approaches in the study of the relationship between language and economic culture are considered. A semiotic approach is singled out, in which economic culture and language are analyzed as collateral subordinate sign systems. The content of the institutional approach is revealed, in which the relationship between language and economic culture looks twofold. On the one hand, language is a basic condition for the existence of economic institutions. On the other hand, economic institutions and traditions directly influence language practices.

Keywords: language, economic culture, semiotics, structuralism, institutional fact, linguistic representation.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20099,
<https://rscf.ru/project/22-28-20099/>, при паритетной финансовой поддержке
Правительства Республики Хакасия*

Взаимосвязь языка и экономической культуры является предметом эмпирического и теоретического исследования для множества социально-гуманитарных наук, философия в их ряду выполняет скорее роль концептуально-методологического обобщения. Даже для экономических наук в их современном состоянии языковые аспекты перестали выглядеть чем-то неординарным, учитывая активное развитие социокультурной экономики, этноэкономики, поведенческой экономики и множества других неклассических направлений. Для социологии, культурологии, культурной антропологии и лингвистики подобного рода проблемы являются,

наоборот, классическими, однако сейчас их решение в большей степени опирается на междисциплинарный синтез. В нашей работе ставится цель представить обзор наиболее актуальных подходов в исследовании связи языка и экономической культуры (вряд ли при этом он будет исчерпывающим). Сразу отметим, что выделенные подходы не выглядят противоречащими, в каком-то смысле они дополняют друг друга, а не опровергают.

Анализ связи языка и экономической культуры может производиться в рамках двух парадигм: логической и детерминистской. В первом случае ставится вопрос о логическом отношении между понятиями языка и экономической культуры. Во втором случае определяется, какое из этих явлений в большей степени влияет на другое и в чем данное воздействие конкретно выражается. Парадигма логического анализа превалирует в семиотических исследованиях, парадигма детерминизма отчетливо прослеживается в работах институционалистов.

Вопрос о логическом отношении понятий языка и экономической культуры, на первый взгляд, носит схоластический характер, но его решение в истории гуманитарных наук приводит к несколько неожиданным выводам. Кажется очевидным, что понятие экономической культуры находится в подчинении к понятию культуры в общем. Между культурой и языком, безусловно, есть содержательная связь, но строго определить логическое отношение между ними весьма затруднительно. Затруднение снимается, если признать тот тезис, что оба явления – это семиотические системы. В рамках семиотического подхода и язык, и экономическая культура (как разновидность культуры в целом) рассматриваются как знаково-символические комплексы со своей семантикой, синтактикой и прагматикой, то есть находятся в отношении соподчинения. Семиотический анализ языка на данный момент уже выглядит классикой гуманитарного знания, учитывая, что труды Ф. де Соссюра [1], Ч. Пирса [2], Р. Барта [3] и множества их последователей и интерпретаторов широко известны, но и семиотический подход в исследовании экономической культуры также имеет богатую традицию.

Так, представители структурализма, которые внесли весомый вклад в развитие семиотики, идею о знаковой сущности экономической культуры обосновывали через обращение к феномену архаичного обмена. Как показал В.В. Иванов [4], в трудах М. Мосса, К. Леви-Стросса, Р.О. Якобсона и ряда других этнологов и лингвистов выдвигалась гипотеза, что развитие всех знаковых систем, используемых в человеческом обществе, и систем обмена (включая экономические системы) осуществлялось путем дифференциации из единой системы, которая изначально совмещала в себе все эти функции. Р.О. Якобсон, в частности, утверждал, что «лингвистика, исследующая обмен речевыми сообщениями, входит в число семиотических дисциплин, изучающих обмен знаками вообще, а семиотика, в свою очередь, соподчинена этнологии, исследующей любые обмены в обществе (как, например, те, которые определяются правилами бракосочетания, обмен материальными благами и т.п.)» [4, с. 203].

И лингвистика, и семиотика с этнологией, таким образом, исследуют обмены, что непосредственно роднит их с экономикой, для которой понятие обмена является фундаментальным. Однако, в представлении структуралистов в архаичном обществе экономического обмена в чистом виде не было, любой обмен – это целостный социальный факт, который нес в себе ритуальный, магический, эмоциональный и моральный характер, экономическое и сакральное в нем были не разделены. Феномен обмена носил комплексное и символическое содержание, и именно внутри него формировались отдельные семиотические системы, будь то язык или экономическая культура.

С этой позиции язык и экономическая культура родственны друг другу исторически, дифференцируясь из общей практики символических взаимодействий, в своем развитии приобретая свои специфические функции, которые в современном обществе уже воспринимаются обособленно. По крайней мере, для обывателя повседневная практика покупок и повседневная практика общения выглядят как совершенно разнородные явления, которые если и связаны, то только инструментально (при покупке люди зачастую используют коммуникативные навыки, а само общение может выступать в качестве приобретенной

услуги). Историческая родственность (которая, к тому же, признается структуралистами, но ставится под сомнение представителями других направлений в исследовании архаичного обмена) не дает в этом плане основание утверждать соподчиненность языка и экономической культуры как феноменов современного общества. Вместе с тем, признание семиотической сущности экономической культуры обосновывается и с помощью других аргументов, в частности посредством аналогии между языком и базовым элементом экономической жизни, – деньгами [5].

Среди экономистов, которых в целом трудно обвинить в образности теоретических построений, широко известна метафора, которая сравнивает деньги с кровеносной системой («Деньги – это кровь экономики»). Действительно, жизнь человеческого тела невозможна без кровоснабжения, так и экономику невозможно представить без денег, а для построения экономических числовых моделей денежные индикаторы являются определяющими. В этой метафоре уже прослеживается коммуникативная функция денег: как кровь переносит различные вещества в организме, так и с помощью денег распределяются экономические блага. Отсюда переход к аналогии денег с языком неудивителен. В рамках данной статьи нет возможности осветить всю историю указанной аналогии, поэтому ограничимся лишь цитатой из работы К. Веннерлинда: «Существуют важные сходства между лингвистическим дискурсом и денежным обменом. Наиболее очевидная общая черта: это символические системы, которые служат для передачи социальных знаний между людьми. Если слово передает идеи и смыслы в речи или письме, то с помощью денег анонимные владельцы собственности взаимодействуют в рамках рыночного обмена. Более того, как слово не имеет смысла вне языка, так и деньги нельзя понять вне денежной культуры... Кроме того, как слово может передавать различный смысл в зависимости от контекста, в котором оно используется, так и деньги передают различный опыт в зависимости от того, какое отношение они опосредуют» [6, с. 68].

Существует несколько сходных черт, которые позволяют говорить о «родстве» денег и языка, об их единой коммуникативной и семиотической природе.

1. С помощью языка люди обозначают предметы и их свойства, а также отношения между ними. Иными словами, язык предстает как некоторого рода символическая копия реальности, при этом языковые выражения могут и не иметь никакого конкретного значения, быть бессмысленными, существовать сами по себе, автономно от референта. Аналогично этому с помощью денег люди обозначают стоимость товаров и услуг, деньги – это символический способ количественной объективации предметов. Так же как слово может существовать, ничего не обозначая, современные деньги могут существовать как знаки без всякого значения, автономно от реальной экономики (о чем говорит концепция симулякров Ж. Бодрийяра [7]).

2. Значение языковых выражений подвижно и неустойчиво, – люди придают словам новый смысл, вводят в оборот специфические термины, используют различные контексты. Границы денежной массы также не являются фиксированными: меняется стоимость товаров и услуг и их разнообразие, то, что имеет стоимость, может трансформироваться в общедоступное благо и, наоборот, общедоступное благо может превращаться в предмет экономических сделок.

3. И языковые выражения, и деньги как факты являются эпистемологически объективными, но онтологически субъективными. То есть их существование не зависит от личных предпочтений и желаний (эпистемологическая объективность), отдельный человек не может отменить необходимость денег для экономики или отменить смысл слов естественного языка, только если он не собирается жить в полной изоляции. Но язык и деньги не могут функционировать без людей в целом (онтологическая субъективность), без человечества трудно представить существование обоих явлений.

4. Интерпретация языковых и денежных символов позволяет адекватно переводить их из одной системы в другую. Стандартная концепция перевода гласила, что слова находят свой эквивалент в другом языке через указание. Носитель русского языка показывает на стул и говорит «стул», носитель английского языка остенсивно понимает, что слово «стул» переводится как «chair». Соответственно, схожим образом возможно определить курс валют

(что в экономике называется паритетом покупательной способности): при стоимости стула в 5000 руб. и 100 долл. была бы очевидна стоимость доллара в рублях. Почему ни стандартная концепция перевода, ни паритет покупательной способности в реальности не работают, – вопрос отдельного обсуждения, но в целом такая ситуация вытекает из возможности автономного существования от предметного мира и языка, и денег, о чем было сказано выше в пункте 1.

5. Наконец, использование языка и денег в процессе социальной коммуникации зиждется на всеобщем признании языковых и денежных символов и на доверии к ним. Доверие здесь – это убеждение субъекта, что все остальные акторы тоже принимают символическую единицу как средство обращения. Участники повседневного общения доверяют друг другу в том плане, что ожидают от своих собеседников адекватного понимания своих слов. Но они также доверяют друг другу, ежедневно отправляясь в магазин с определенной валютой, предполагая на нее что-нибудь купить.

Можно продолжить список пунктов, позволяющий представителям семиотики говорить о единой сущности языка и денег. Экономическая культура включает в себя и другие знаково-символические системы (бренды, мода, демонстративное потребление и т.д.). В целом, стоит отметить, что семиотический анализ экономических феноменов выглядит уже устоявшейся традицией, о чем говорит и одна из последних отечественных работ в области семиотики культуры [8].

Другой подход, решающий вопрос о связи языка и экономической культуры, указывает на то, что экономическая культура включает в себя не только знаково-символические системы, но и правила, конституирующие и регулирующие экономическое поведение. Речь идет об институтах, которые создают ограничительные рамки и побуждения к действию, формируя установки экономических акторов. В рамках институционального подхода язык и экономическая культура рассматриваются уже не как соподчиненные понятия, имеющие семиотическую природу, а как системы, которые воздействуют друг на друга детерминистски. Институциональный подход, таким образом, предполагает две противоположные позиции: лингвистический детерминизм в исследовании социальных институтов (в том числе экономических) и институциональный детерминизм в исследовании развития языка.

Лингвистический детерминизм в исследовании экономической культуры имеет свои особенности, которые уже нами освещались [9]. Направление лингвистического детерминизма здесь не связывается с радикальной версией гипотезы лингвистической относительности, с концепцией Э. Сепира и Б. Уорфа и их последователями. Понятие лингвистического детерминизма в данном контексте используется в широком смысле, – как любое учение, в котором присутствует утверждение об определяющей роли языка по отношению к каким-либо феноменам. В качестве социального феномена, обусловленного функционированием языка, может выступать и экономическая культура.

Концентрированно тезис об определяющей роли языка представлен в теории социальных институтов Дж. Серла, в которой обосновывается, что язык является фундаментом по отношению к институциональной реальности, поскольку ни один из институтов, в том числе экономических (таких как деньги, собственность, налоговая система и др.), не может существовать без лингвистической репрезентации. Язык конституирует институциональные факты, выполняя четыре функции [10]: 1) институциональный факт содержит деонтологию, которая может существовать только через лингвистическую репрезентацию, нет языка – нет деонтологии (без языка не могут существовать обязательства собственности и возможности что-то купить за символические единицы – деньги); 2) признание деонтических полномочий не может осуществляться без их языкового представления (языковое представление о сущности экономических явлений и наделяет их соответствующими функциями); 3) деонтология институциональных фактов может существовать даже вне сознания субъектов, ее создавших, если она представлена языковыми средствами (к примеру, положение Конституции Российской Федерации о том, что «денежной единицей в Российской Федерации является рубль» (гл. 3, ст. 75, п. 1) лингвистически репрезентирует статус рубля); 4) с

помощью языка институт распознается как таковой. В целом лингвистический детерминизм в учении Дж. Серла обнаруживается в следующем тезисе: язык может существовать без денег, собственности и других институтов, но нельзя иметь деньги, собственность и т.п. при отсутствии языка.

При этом Дж. Серл не подразумевает естественные языки, используемые в повседневном общении, что специально подчеркивает: «Я не имею в виду, что развитые естественные языки с их придаточными предложениями, модальными операторами и неоднозначностью сферы действия кванторов играют существенную роль в формировании институциональной реальности. Я так не считаю» [10, с. 18]. Под языком он имеет в виду любой опыт символического описания, в котором возможна не только фиксация физических свойств, но и распознавание статусных функций. Статусная функция приписывается объектам и не зависит от их физических свойств, как, например, номинальная стоимость бумажных купюр не зависит от их реальной ценности.

Однако в данной теории не исключается, что естественные языки могут репрезентировать наличие или отсутствие некоторых экономических институтов и тем самым определять экономическую культуру членов языкового сообщества. То есть, в случае, если в каком-то естественном языке нет эквивалента слова «деньги» и нет лингвистической репрезентации денежных функций, демонстрация монет, купюр, банковских карт практически ничего не даст для передачи смысла соответствующего понятия. И эта трудность возникает именно из-за языковой обусловленности существования денег, их деонтологии, что, в принципе, касается множества экономических явлений (но не всех, – к примеру, производящая деятельность может осуществляться и без символического представления статусных функций).

В институциональной экономике лингвистический детерминизм отчасти поддерживается, но при этом есть позиция, отвергающая тезис о первичности языка по отношению к институциональным фактам и социальным институтам. Напротив, отстаивается положение о зависимости языка от институтов и их проводников: «Исторически и логически первичны сами агенты, их интересы и деятельность, трансакции и общественные отношения, которые и порождают язык для повышения эффективности коммуникаций... Взаимодействия социальных акторов порождают и развивают язык для их общения в обществе. Без устойчивой и эффективной коммуникации не может быть ни взаимовыгодных трансакций, ни продуктивной кооперации» [11, с. 44-45].

Как язык конституирует социальные институты, так и институты могут влиять на языковые практики, к примеру, способствуя дифференциации языка и его специализации. Это не только наличие особой лексики в рамках отдельных институтов, но также правила словоупотребления, способы общения, соотношение вербальных и невербальных средств коммуникации и др. Агенты институтов способны трансформировать систему языка, распределяя ее по функциональному назначению и по специфическим подсистемам. Действие институтов во многом способствует формированию коммуникативных барьеров социокультурного рода, так как носители специального языка реализуют приверженность определенному статусу, профессиональному сообществу, особой группе, что проявляется и в экономической сфере деятельности.

Кроме того, традиции, существующие в хозяйственной деятельности определенного сообщества, также непосредственно воздействуют на язык. К примеру, для русского языка нет разницы между некастрированным и кастрированным бараном, он в любом случае «баран», тогда как в хакасском языке есть деление на «хуча» и «сілеке» [12, с. 192]. Точно также в хакасском языке присутствует различие между бараниной как таковой и бараниной, приготовленной на углях [12, с. 134], тогда как для носителя русского языка все это просто «баранина». Здесь как раз проявляются особенности традиционного уклада жизни, экономической деятельности этноса, его культуры в целом, демонстрируется отражение того факта, что овцеводство не приоритетный вид хозяйствования для русских, и, наоборот, основной для хакасов.

Таким образом, взаимодействие языка и экономической культуры оказывается симметричным. Язык по отношению к правилам внутри экономической культуры выступает средством распознавания и репрезентации, фиксирует существование деонтологии институционального факта, представляет сам институциональный факт. Социальные институты экономической сферы также воздействуют на язык: интеракции экономических акторов непосредственно влияют на развитие языка; происходит институциональная специализация языка в различных направлениях (в рамках экономических профессий, отдельных групп и т.д.); традиции ведения хозяйства также отражаются в языковой картине мира.

Как уже было сказано, между семиотическим и институциональным подходами нет существенных противоречий, ведь логический тезис о соподчинении языка и экономической культуры в границах понятия знаково-символической системы не отрицает возможности структурного воздействия одного феномена на другой. Кроме того, более детальный анализ может показать, что структурное взаимовлияние меняет и все аспекты семиозиса трансформирующихся сторон: семантические, прагматические и синтаксические.

Литература

1. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
2. *Пирс Ч.С.* Что такое знак? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2009. – № 3(7). – С. 88-95
3. *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
4. *Иванов В.В.* Семиотические модели в экономической этнологии // Новое литературное обозрение. – 2018. – № 5(153). – С. 203-213
5. *Никитин А.П.* Проблема аналогии денег и языка в ракурсе аналитической философии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2016. – № 4(36). – С. 95-102
6. *Веннерлинд К.* О чем молчит презренный металл? Семиотика денег и общественный контроль // Вопросы экономики. – 2010. – № 2. – С. 65-82
7. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2000. – 387 с.
8. *Зенкин С.Н.* Семиотика культуры. – М.: ВШЭ, 2023. – 175 с.
9. *Никитин А.П.* Лингвистический детерминизм в исследовании экономической культуры // Языки и смыслы: материалы XX Международной научной конференции молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук. – Новосибирск: НГУ, 2022. – С. 168-171
10. *Серл Дж.* Что такое институт? // Вопросы экономики. – 2007. – № 8. – С. 5-27
11. *Иншаков О.В., Фролов Д.П.* Лингвистика институциональной экономики. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. – 280 с.
12. *Каксин А.Д., Чертыкова М.Д.* Хакасско-русский и русско-хакасский тематический словарь (разделы «Человек», «Флора и фауна»). – Абакан: ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2020. – 224 с.